

МАРТОВСКІЯ СОБЫТІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1801 ГОДУ.

I.

Подъ такимъ заглавіемъ мы передаемъ въ переводѣ тѣ страницы *Исторіи консульства и имперіи* А. Тьера, которыя до сихъ поръ, по цензурнымъ правиламъ, не могли появиться въ нашей печати, а во Французскихъ экземплярахъ обыкновенно вырѣзывались при переходѣ ихъ черезъ границу. О трагической кончинѣ императора Павла обыкновенно сообщалось до сихъ поръ, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Даже такой авторитетный писатель, какъ Шильдеръ, написавшій историко-біографическій очеркъ *Императоръ Павелъ Первый*, и тотъ оставилъ насъ въ недоумѣніи, что это былъ за ударъ. Свобода печати снимаетъ запретъ съ этого таинственнаго событія и даетъ возможность освѣтить его съ правдивой стороны.

Возстановляя подробности кончины императора Павла Петровича въ пересказѣ Французскаго историка, пользующагося заслуженною извѣстностью, мы прибавимъ къ разсказу предварительныя замѣчанія и тѣмъ исправимъ немногія неточности и ошибки его. Объ исторіи императора Павла Петровича въ настоящее время мы знаемъ болѣе Тьера. У него мы беремъ одинъ только незнакомый намъ эпизодъ изъ этой исторіи. Мы знаемъ, что императоръ палъ жертвою заговора, во главѣ котораго въ послѣдній моментъ стоялъ графъ Паленъ, но не знали только подробностей самой катастрофы. Ихъ предлагаетъ намъ Тьеръ. *)

О царствованіи императора Павла Петровича исторія произнесла уже свой приговоръ. Въ общемъ послѣдній остается безъ измѣненія. Но безвременная и ужасная кончина императора въ новыхъ для насъ подробностяхъ не можетъ не вліять на приговоръ, какъ смягчающее его обстоятельство. Послѣ такого событія, которое случилось въ мартѣ 1801 года, при разрѣшеніи заговора историкъ не можетъ не признать въ немъ искупленіе за содѣянные грѣхи и можетъ болѣе безпристрастно судить историческаго дѣятеля. Онъ можетъ

---

*) Императоръ Николай Павловичъ отзывался, что изъ всего напечатаннаго за границею о кончинѣ императора Павла наиболѣе правдивое принадлежитъ Тьеру. П. Б.

болѣе спокойно сказать, не какъ простую фразу, что Павелъ Петровичъ отличался Гамлетовскими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ, не только въ Русской, но и во всемірной исторіи. Онъ можетъ догадаться, подъ какими вліяніями писалась до сихъ поръ его исторія. Подъ давленіемъ дворянскихъ интересовъ, слабо или сильно, слагалась точка зрѣнія на все его царствованіе. Жестокости Павла Петровича обращались преимущественно противъ привилегированнаго дворянскаго класса. Съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ, исторія Павла Петровича, какъ ни мало еще извѣстна, получаетъ другое освѣщеніе. Дворянство наше при Екатеринѣ II пріобрѣло въ исторіи преобладающее значеніе, которое желало удержать и навсегда. Къ дворянству, какъ извѣстно, перешла вся власть въ провинціальномъ управленіи, а центральная осталась за правительствомъ: крѣпостное же право, окончательно сформировавшееся въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлало дворянство рѣшителемъ судебъ многихъ милліоновъ Русскихъ подданныхъ. Первый, кто почувствовалъ, если не созналъ еще вполне, такое ненормальное положеніе въ государствѣ, былъ императоръ Павелъ I. Принимая во вниманіе, что государственннй и общественннй порядокъ, установившійся въ XVIII в., держался на подавляющемъ и несправедливомъ преобладаніи дворянскаго класса надъ другими, Императоръ желалъ исправить эту ошибку и сталъ дѣйствовать, какъ противодворянскій царь. Чувство порядка, дисциплины и равенства были руководящими его побужденіями въ этомъ направленіи, и борьба съ сословными привилегіями, замѣтно, выдвигается впередъ. Мы не думали, что только за это онъ погибъ отъ заговорщиковъ, на то были и другія причины, особенно личннй раздражительннй его характеръ, но одна изъ самыхъ важныхъ причинъ заключается именно въ томъ, что онъ былъ противодворянскій царь.

Преобладаніе дворянства создалось у насъ частью отъ недостатка соотвѣтствующихъ законовъ. Павелъ началъ съ основныхъ, установивши, прежде всего, законы, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія престола актомъ 5 Апрѣля 1797 года. Теперь повтореніе такихъ исторій, въ которыхъ дворянство ранѣе принимало участіе при вступленіи на престолъ четырехъ императрицъ, послѣ того какъ былъ изданъ названннй актъ, стало болѣе невозможннмъ. Затѣмъ императоръ обратилъ вниманіе на законы о сословіяхъ. Сословное управленіе, установленное губернскими управленіями и жалованными грамотами дворянству и городскому сословію Екатериною II, давало двумъ сословіямъ, сравнительно съ прочими, и особенно дворянскому, привилегированное положеніе. Обязанная дворянству своимъ восшествіемъ на престолъ, Екатерина, видимо поступила въ данныхъ грамотахъ своими прежними либеральными убѣжденіями, особенно по отношенію къ крѣпостному праву, и сама сдѣлалась и назвалась „Русскою помѣщицею“. Павелъ I былъ въ другомъ положеніи и другихъ убѣжденій. Отмѣнивъ въ существенныхъ чертахъ обѣ грамоты Екатерины II, онъ почти уничтожилъ сословное управленіе, особенно вытѣснивши дворянство изъ губернскаго управленія коронннмъ чиновничествомъ. Онъ отмѣнилъ и нѣкоторыя личння права дворянства и высшаго купечества именитыхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдій. Особенное же вниманіе императоръ обратилъ на

крестьянское сословіе. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича узаконило крѣпостное право, возникшее ранѣе; но власть помѣщиковъ надъ крестьянами, не опредѣлявшаяся въ подробностяхъ законодательствомъ, развивалась безъ мѣры. Павелъ Петровичъ сдѣлалъ первую попытку точнаго законодательства, опредѣляющаго взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами: указомъ 5 Апрѣля 1797 года о трехдневной барщинѣ, какъ высшей нормѣ крестьянскаго труда въ пользу помѣщика. Если онъ сдѣлалъ въ ослабленіе привилегій дворянства немного, то это зависѣло отъ разныхъ причинъ. У него самого не было ни обдуманной программы, ни времени для ея исполненія, ни знанія дѣла, ни людей, готовыхъ и способныхъ исполнять его намѣренія. Гдѣ ему было набраться знаній о Россіи и выбрать своихъ сотрудниковъ съ новымъ направленіемъ, если при жизни матери-императрицы и по совершеннѣйшии, онъ былъ удаленъ отъ большого двора и прѣбывалъ въ Гатчинѣ, вдали отъ дѣлъ, въ кругу самыхъ мелкихъ интересовъ. У него былъ зато обильный запасъ накопившихся горькихъ чувствъ, изъ которыхъ вытекалъ потомъ цѣлый рядъ непригодныхъ мѣропріятій. Его дѣятельность въ уравнительномъ направленіи общественныхъ классовъ лишена была, потому, и послѣдовательности и твердости. Послѣднее качество зависѣло также отъ личнаго его характера, развивавшагося подъ вліяніемъ воспитанія и несчастныхъ отношеній къ матери. Занимаясь въ Гатчинѣ своей миниатюрною гвардіей, незримый среди большого двора и постоянно подъ строгимъ надзоромъ его, Павелъ Петровичъ всегда раздражался, претерпѣвая недоувѣріе и пренебреженіе временщиковъ и привыкая видѣть въ дѣлахъ матери лишь однѣ темныя стороны, чтобы легче порицать ея порядки. И послѣдующая его политика, когда онъ сдѣлался самъ государемъ, вытекала также не столько изъ глубокаго сознанія несправедливости и негодности порядковъ его матери, сколько изъ антипатіи и раздраженія противъ оставшихся при немъ ея сотрудниковъ. Самымъ либеральнымъ преобразовательнымъ замысламъ своимъ онъ придавалъ какой-то реакціонной, антипатичный характеръ, самымъ полезнымъ своимъ мѣропріятіямъ—печатъ мелкой вражды. Законъ о престолонаслѣдіи, напр., можетъ быть также объясненъ и намѣреніемъ Императрицы, о которомъ ходили довольно вѣрные слухи, отстранить сына отъ престола, замѣнивъ его старшимъ своимъ внукомъ Александромъ. Думая объ изданіи этого закона, Павелъ могъ поэтому руководствоваться, болѣе или менѣе, и своими личными побужденіями и счетами. Дѣятельность Павла Петровича, по такимъ причинамъ, намѣренно обращалась къ уничтоженію слѣдовъ предшествовавшаго царствованія, притомъ безъ строгаго различія, были ли они полезные, или вредные. А Екатерина сдѣлала и много хорошаго, и не даромъ ея царствованіе считается вѣкомъ нашей славы и культурнаго развитія. Отсутствіе программы, отсутствіе сознательныхъ идей въ царствованіи Павла Петровича замѣтны и въ томъ, что, вмѣсто обдуманныхъ стремленій, онъ обращалъ вниманіе на мелочи, на вахтъ-парады и тактику; вмѣсто борьбы съ существующими негодными порядками, онъ боролся съ лицами ему враждебными или несимпатичными, которыя и гналъ онъ жестоко и немилосердно. Здѣсь источникъ тѣхъ колебаній и противорѣчій, какими отли-

чалось кратковременное его царствованіе. Вполнѣ справедливая, напр., вражда его къ сословнымъ привилегіямъ приводила его къ стѣсненію самыхъ элементарныхъ чловѣческихъ правъ, и самыя идеи равенства и порядка вырождались у него въ припадки жестокаго или великодушнаго каприза, въ придворные анекдоты, составляющіе почти главное содержаніе четырехлѣтняго его царствованія. Отсутствіе руководительныхъ идей, и такихъ же политическихъ соображеній, выразилось напр. въ томъ, что, вводя законы въ хаотическія, произвольныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, Павелъ Петровичъ въ тоже самое время и самъ, не менѣ своей матери, размножалъ количество крѣпостного населенія, раздавая съ удивительной щедростью своимъ любимцамъ и клевретамъ за всякую услугу и выслугу сотни и тысячи крестьянскихъ душъ. Бывали такіе примѣры, что за одно острое слово, размѣшившее государя, бывший берейторъ, а потомъ командиръ батальона, Канныхъ, получилъ тысячу душъ крестьянъ. Самое вступленіе на престоль императора Павла стоило государству ста тысячъ душъ, пожалованныхъ по этому случаю. Такая непослѣдовательность, не ослаблявшая произвола, а только усилившая его, привела, наконецъ, къ тому, что обществомъ овладѣло чувство страха и унынія, и что составилъ заговоръ, разразившійся потомъ ужасной катастрофой въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года.

II.

Императоръ Павелъ I имѣетъ уже историковъ, описавшихъ его жизнь и царствованіе. Д. Ѳ. Кобеко изложилъ его жизнь до восшествія его на престоль (Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изданіе третье. С.-Пб. 1887). Другой историкъ Н. К. Шильдеръ въ своемъ объемистомъ трудѣ (Императоръ Павелъ Первый. Историко-біографическій очеркъ. С.-Пб. 1901 г. стр. 606), описалъ все царствованіе его и также предшествующее время его жизни. О послѣдующемъ времени, послѣ его кончины, онъ даетъ такое заключеніе: „онъ служитъ эпилогомъ длиннаго ряда событій, связывающихъ 1741 годъ съ 1825. Слова манифеста 1801 г., обѣщавшія управленіе по закону и сердцу Екатерины.— говоритъ Шильдеръ,—не сбылись; ненависть ко всѣмъ дѣламъ и мыслямъ ея, какъ и при Павлѣ, продолжала существовать, хотя и въ сокровенной формѣ. Аракчеевъ и пагубная Гатчинская военная система продолжали господствовать и даже совершенствоваться. Внѣшняя политика, за исключеніемъ эпизодическихъ перерывовъ, также продолжала руководствоваться рыцарскимъ безкорыстіемъ, о которомъ мечтали нѣкогда великій магистръ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Конечно, одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Екатерина никогда не занялась бы спасеніемъ Европы и водвореніемъ военныхъ поселеній. Ко всему этому присоединялись еще тяжелыя воспоминанія, связанныя съ 11 Марта, подъ бременемъ которыхъ *) изнемогалъ императоръ Александръ въ продолженіи всей остальной своей жизни. Въ общей сложности,

*) Которыя тяготѣли и надъ Николаемъ Павловичемъ до самой его кончины. П. Б.

всѣ эти печальныя явленія привели къ 14 Декабря, а въ далекомъ будущемъ— къ Крымскому погрому“. Таковы заключительныя слова историка.

Въ настоящее время всѣ важнѣйшіе источники времени Павла Петровича извѣстны и изучены. Прибавить къ нимъ еще что-нибудь новое уже трудно. Н. К. Шильдеръ отличный знатокъ своего дѣла, и ему доступны были и всѣ мемуары и почти всѣ архивныя матеріалы этого времени. Если мы рѣшаемся дать читателямъ переводъ изъ Тьера о кончинѣ императора Павла I, то мы далеки отъ мысли, что страницы *Исторіи Консульства и Имперіи*, относящіяся къ описанію этого событія, были неизвѣстны Шильдеру и думаемъ, что онъ не воспользовался ими только потому, что при прежней цензурѣ они не могли быть у насъ напечатаны. Самъ Тьеръ пользуется при описаніи этого событія рассказомъ одного Французскаго эмигранта, друга Палена и Бенигсена, главнѣйшихъ дѣятелей, приведшихъ заговоръ противъ Павла Петровича въ исполненіе. Этотъ Французъ слышалъ рассказъ о смерти Государя изъ устъ самого Палена, когда гостилъ въ его помѣстьѣ, и записалъ въ свою памятную книжку. Кромѣ того, Тьеръ ссылается еще на Биньона, который извѣстенъ и Шильдеру (стр. 488). Прусскій дворъ былъ тронутъ кончиною императора Павла, говоритъ Тьеръ, и получилъ различными путями подробности объ этомъ печальномъ событіи. Онѣ потомъ были сообщены въ особой запискѣ первому консулу Бонапарту. Тогдашній секретарь Французскаго посольства при Прусскомъ дворѣ, во главѣ котораго стоялъ генералъ Бернонвиль, г. Биньонъ могъ знать содержаніе этой записки. Въ своемъ сочиненіи „*Histoire de France*“ онъ передаетъ рассказъ о смерти Павла Петровича. Кто знаетъ, какъ сами очевидцы такого рода событій излагаютъ ихъ часто невѣрно, тотъ можетъ скептически отнестись и къ настоящему рассказу. Чтобъ добраться истины, слѣдуетъ его провѣрить съ другими рассказами о томъ же событіи, а у насъ въ печати пока ихъ нѣтъ, мы этого сдѣлать, потому, не можемъ. Въ своей *Исторіи Консульства и Имперіи*, прославляющей Наполеона I, послужившей однимъ изъ далекихъ мотивовъ къ началу властолюбивыхъ мечтаній наслѣдника его имени, Тьеръ не имѣлъ въ виду отнестись внимательно къ общимъ условіямъ Русской жизни, приведшимъ къ ужасной катастрофѣ 11-го Марта. Въ его исторіи она является, какъ интересный эпизодъ. О томъ же, что подготовило ее, теперь мы знаемъ гораздо болѣе Тьера. Потому рассказъ его о кончинѣ императора Павла представляется здѣсь читателямъ нашимъ съ дополнительными предварительными замѣчаніями. У Шильдера, напротивъ, тщательно изложены всѣ подробности, какъ составился заговоръ на жизнь Государя, и какъ совершилось восшествіе на престолъ императора Александра I, но нѣтъ ни слова о самомъ исполненіи заговора.

„Въ четверть одиннадцатаго (11 Марта)—говоритъ Шильдеръ—послѣ ужина, за которымъ Павелъ Петровичъ былъ въ веселомъ настроеніи духа, полковникъ Саблуковъ, эскадронъ котораго стоялъ на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, видѣлъ Государя въ послѣдній разъ. Императоръ, заподозрѣвши и Саблукова въ измѣнѣ, приказалъ ему свести свой караулъ изъ замка, даже

вывести весь его полкъ изъ города, а двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, указавъ на дверь, ведущую въ кабинетъ, занять караулъ у дверей. Далѣе, передаетъ Шильдеръ, ночь была холодная и дождливая; въ главномъ караулѣ всѣ дремали. Вдругъ прибѣгаетъ лакей съ крикомъ: „спасайте!“ Поручикъ Семеновскаго полка Полторацкій обнажилъ шпагу и, обращаясь къ солдатамъ, воскликнулъ: „Ребята за царя!“ Всѣ бросились за нимъ, перебѣжали дворъ и поднялись по парадной лѣстницѣ дворца. Но вдругъ на верхней ея площадкѣ появились графъ Паленъ и генералъ Бенигсенъ. Раздалась команда: „Караулъ, стой!“ а затѣмъ они услышали слова: „Государь скончался апоплексическимъ ударомъ; у насъ теперь новый императоръ Александръ Павловичъ“.

Вотъ рассказъ Шильдера о концѣ царствованія императора Павла. Тьеръ, напротивъ, говоритъ подробно объ исполненіи самаго заговора и ни слова объ апоплексическомъ ударѣ.

Скрывать далѣе подробности того, что случилось 11 Марта въ опочивальнѣ государя не для чего. Мы знаемъ объ ужасной кончинѣ императора Александра II, о такой же великаго князя Сергѣя Александровича; для чего же будемъ скрывать подвиги Палена, Бенигсена и Зубовыхъ, убійцъ Павла Петровича? Даже и то, что императоръ скончался не отъ апоплексическаго удара, въ общемъ, кому же не было извѣстно? *).

Тайна кончины Павла Петровича нужна была для его убійцъ, своевременно фальсифицировавшихъ общественное мнѣніе, обманувшихъ довѣріе къ нимъ государей Павла I и Александра I; но она, рано-ли, поздно-ли, не уйдетъ отъ суда исторіи. Она произнесетъ свой неумытнѣйшій приговоръ надъ ними, не смотря на то, что они давно уже въ могилѣ, что съ каждымъ годомъ слабѣютъ о нихъ воспоминанія, растериваются о нихъ и записки, и письма, и другіе документы.

Кто же были эти довѣренныя лица государя Павла Петровича?

Мысль объ устраненіи государя отъ престола впервые высказана графомъ Никитой Петровичемъ Панинымъ, бывшимъ при Павлѣ Петровичѣ (собственно съ 27 Сентября 1790 г.) вице-канцлеромъ. Внушена ли она была ему Англійскимъ посломъ, его другомъ Витвортомъ, какъ можно предполагать, или онъ самъ напалъ на нее, — трудно рѣшить. Опасенія, которыя главнымъ образомъ озабочивали Витворта, находившагося при Русскомъ дворѣ уже съ 1788 года, не столько касались личной безопасности каждаго изъ Русскихъ подданныхъ, что всего болѣе было близко Панину, сколько вообще всего политиче-

---

*) На поданное нами (черезъ графа А. В. Адлерберга) прошеніе Александру Николаевичу о дозволеніи напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ полный рассказъ Саблукова о кончинѣ Павла Петровича, Государь изволилъ отвѣчать: „Въ Россіи всякій грамотный знаетъ, какъ погибъ мой дѣдъ; но мнѣ, внуку, не пристало дозволять разглашеніе о томъ. Предоставляю это моему сыну“. Поэтому Записки Саблукова появились у насъ въ укороченномъ видѣ („Р. Арх. 1869). II. Б.

скаго положенія, которое съ 1800 года начинало принимать крайне неблагопріятный для Англій оборотъ. Въ задушевныхъ бесѣдахъ они говорили о болѣзненномъ состояніи Англійскаго короля Георга III, современника Павла Петровича, о событіяхъ въ Даніи, совершившихся въ 1784 году, какъ о подходящихъ случаяхъ къ современной Русской обстановкѣ, и полагали, что и у насъ возможный исходъ изъ существовавшихъ тогда затрудненій заключался въ устраненіи государя отъ престола и въ учрежденіи регентства. Павелъ Петровичъ можетъ быть былъ освѣдомленъ объ этихъ разговорахъ, почему 27 Мая 1800 года повелѣлъ Витворту выѣхать изъ Петербурга. Затѣмъ Панинъ недоволенъ былъ своимъ зависимымъ положеніемъ по отношенію къ любимцу государя Ростопчину, черезъ руки котораго шли его доклады къ государю. Ростопчинъ возбуждалъ противъ него не разъ неудовольствіе государя и склонялся въ политикѣ къ сближенію Россіи съ Франціей, тогда какъ Панинъ стоялъ за союзъ съ Англійей. Когда, вопреки мнѣніямъ Панина, сближеніе съ Франціей совершилось, Панинъ считалъ для себя болѣе уже невозможнымъ занимать свой отвѣтственный постъ вице-канцлера. Павелъ Петровичъ остался имъ недоволенъ, отставилъ его отъ службы, и 14 Ноября 1800 года повелѣлъ ему ѣхать на жительство въ его имѣніе Дугино. Но замыслы Панина нашли себѣ другого исполнителя. О государственномъ переворотѣ задумали уже многіе, и въ числѣ ихъ первымъ былъ Паленъ. Въ лицѣ Палена мысли графа Панина изъ области умозрительной перешли, такъ сказать, на путь болѣе практическій, соотвѣтственно Русской жизни: Панинъ думалъ, напр. пользуясь переворотомъ, о введеніи у насъ Англійской конституціи, Паленъ только объ устраненіи Павла Петровича отъ престола. Паленъ исполнилъ только половину плановъ своего друга.

Ему надобно было найти исполнителей своихъ плановъ. Для этого онъ сблизился съ братьями Зубовыми.

Двое Зубовыхъ (Платонъ и Николай) были людьми весьма подходящими, какъ отличавшіеся замѣчательной физической силой. Они похожи въ этомъ отношеніи на братьевъ Орловыхъ, игравшихъ видную роль при восшествіи на престолъ Екатерины II. Платонъ Зубовъ, послѣдній фаворитъ Императрицы, въ первое время царствованія Павла, пользовался особеннымъ его вниманіемъ и былъ осыпанъ милостями его. Государь выказалъ состраданіе къ его горю, когда скончалась Императрица. Такъ, по случаю выселенія его изъ Зимняго дворца, ему купленъ былъ на казенныя деньги домъ, снабженный мебелью и всѣмъ необходимымъ, стоившій сто тысячъ рублей, и пожалованъ въ подарокъ. Мало того, Павелъ Петровичъ посѣтилъ вскорѣ Зубова, въ сопровожденіи Императрицы, и при встрѣчѣ съ нимъ сказалъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Когда подали шампанское, Государь сказалъ: „Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ добраго“. и, обращаясь къ Императрицѣ, прибавилъ: „Выпей все до капли“ и, выпивши самъ, разбилъ бокаль. Князь Платонъ Александровичъ припалъ, въ знакъ благодарности, къ стопамъ императора и былъ поднятъ имъ съ повтореніемъ

словъ: „И тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Подали самоваръ. Государь сказалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки“.

Все это было забыто княземъ-убійцею, когда онъ вступилъ противъ своего государя въ заговоръ. Императоръ вскорѣ охладѣлъ къ Зубову, далъ ему отставку и позволилъ уѣхать за границу. Зубовы появляются вновь при дворѣ, вызванные Паленомъ, незадолго до 11-го Марта 1801 года.

Послѣ удаленія Панина, Паленъ остался главнымъ дѣятелемъ въ заговорѣ. Сосредоточимъ на немъ наше вниманіе.

Въ началѣ царствованія Павла Петровича, когда графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ былъ еще Рижскимъ губернаторомъ (въ 1797 г.), онъ подвергся гнѣву Государя за оказанныя излишнія почести Зубову при проѣздѣ послѣдняго за границу. Получивъ о томъ тайный доносъ, Павелъ Петровичъ вспылить и назвалъ подлымъ этотъ поступокъ. Но вина Палена была невелика: всѣ почести въ Ригѣ были приготовлены не для Зубова, а для другого лица; войска на улицахъ и обѣдъ предназначались для Польскаго короля Станислава-Августа, котораго ждали тогда въ Ригу, но понапрасну: онъ не пріѣхалъ. Тогда подвернулся кстати Зубовъ, и ему пришлось воспользоваться всѣмъ приготовленнымъ къ чужому пріѣзду. Павелъ Петровичъ не зналъ всего случившагося, онъ взглянулъ подозрительными глазами на эти почести. Не желалъ ли онъ, думалъ онъ, выразить протестъ противъ удаленія отъ двора Зубова, противъ охлажденія къ нему государя. Онъ сердился на то, что Паленъ осмѣлился принять сторону Зубова и за то приказалъ исключить его изъ службы. Когда же государь узналъ всю правду и понялъ, что поступилъ несправедливо, то въ томъ же году принялъ Палена на службу, а въ слѣдующемъ (1798) году произвелъ его въ генералы отъ кавалеріи. Вскорѣ, когда Паленъ сблизился съ любимцемъ государя Кутайсовымъ, и послѣдній сталъ его расхваливать передъ Павломъ Петровичемъ, стали расхваливать его и другіе придворные, угождая Кутайсову, то императоръ просто удивлялся, какъ не зналъ онъ ранѣе о томъ, какой хорошій человекъ Паленъ. И Паленъ пошелъ въ гору, опутывая государя своими лицемѣрными, будто бы чистосердечными рѣчами, приправляемыми угодиничествомъ и низкопоклонствомъ. 28-го Іюля 1798 онъ получилъ уже видный постъ Петербургскаго военнаго губернатора и ежедневно могъ съ докладами не одинъ разъ являться во дворецъ. Главная цѣль его теперь была—окружить государя людьми изъ своего лагеря. Удаленіе Е. И. Нелидовой и возвышеніе Лопухиной находятся въ связи съ этими планами, и не обошлись безъ интригъ со стороны Палена. Въ 1799 году барону Палену было пожаловано графское достоинство. Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, доказываетъ извѣстная исторія съ адмираломъ Чичаговымъ. По наговору Кушелева, тоже любимца государева, будто адмиралъ думаетъ перейти въ Англійскую службу, Павелъ Петровичъ разгнѣвался на Чичагова, уволилъ его въ отставку, лишилъ чиновъ и орденовъ, думалъ было отослать его на жительство въ деревню, но перемѣнилъ и это рѣшеніе на худшее—посадилъ въ Петропавловскую крѣпость. Паленъ принялъ участіе въ адми-

ралъ и при первомъ случаѣ замолвилъ о немъ доброе слово, увѣряя государя, что Чичаговъ уже раскаялся. Павелъ Петровичъ, сознавая свою горячность въ дѣлѣ Чичагова, милостиво отнесся къ нему и въ знакъ примиренія вернулъ ему и чины и ордена. Паленъ умѣлъ пользоваться и далѣе свѣтлыми минутами настроенія государя, когда можно было говорить ему, что угодно. Онъ разжалобилъ его, въ одну изъ такихъ минутъ, горькою участью лицъ, потерпѣвшихъ гоненіе, жестокимъ положеніемъ ихъ, высланныхъ изъ столицы, погубившихъ свою карьеру, которые умираютъ съ горя и нужды за проступки легкіе и простибельные. Онъ бросился къ ногамъ Павла и молилъ его о великодушіи, зная отлично его романтической характеръ и его порывистость. Два часа спустя послѣ этой сцены, двадцать курьеровъ скакали во всѣ концы Имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы; имъ дано было государемъ помилованіе. Указъ о томъ вос-
послѣдовалъ 1 Ноября 1800 года. И Паленъ получилъ необходимыхъ людей въ задуманномъ имъ заговорѣ, удаленныхъ въ деревни подъ надзоръ полиціи трехъ братьевъ Зубовыхъ и уволеннаго отъ службъ Бенигсена, людей ему преданныхъ, которыми онъ умѣлъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ. Самъ Паленъ говорилъ, что имъ руководила мысль принести пользу государству, устраняя Павла Петровича отъ престола, и еще болѣе, что онъ понималъ, какъ непрочно его собственное положеніе при дворѣ, что ему самому недостаетъ безопасности, наравнѣ со всѣми Русскими. Осыпанный милостями государя, всѣми дарами счастья, Паленъ зналъ, что завистники его не пропускали ни одного случая сдѣлать его въ глазахъ государя подозрительнымъ. Послѣ разговора съ Павломъ Петровичемъ, бывшаго 9-го Марта 1801 года, онъ могъ убѣдиться, что государь знаетъ о самомъ заговорѣ. Императоръ во время разговора былъ мраченъ, озабоченъ, серьезенъ. Паленъ затрепеталъ, когда услышалъ изъ его устъ, что хотятъ повторить 1762 годъ („On veut renouveler 1762“). Много надо было имѣть ума и силы характера, чтобы успокоить государя. Паленъ увѣрилъ его, что самъ вступилъ въ заговоръ только для того, чтобы помѣшать его успѣху. „Вамъ нечего бояться—продолжалъ онъ—я держу въ рукахъ всѣ нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извѣстно. Не старайтесь приводить сравненій между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы Русскій; онъ ненавидѣлъ Русскихъ, презиралъ ихъ и удалялъ ихъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовью; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полиціи въ Петербургѣ, а нынѣ она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова помимо моего вѣдома“. Затѣмъ Паленъ доложилъ, что онъ нуждается въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ для предупрежденія возможныхъ случайностей и получилъ ихъ. Безъ такого документа онъ не могъ бы въ ночь 11 Марта 1801 проникнуть во дворецъ.

Тѣерь передаетъ и этотъ знаменитый разговоръ, но у Шильдера несравненно болѣе подробностей.

Разнаго рода тревожные слухи ходили уже въ Петербургѣ. „Мы наканунѣ весьма важныхъ событій“, говорили въ самомъ обществѣ. Даже Петербургскіе извозчики на биржѣ, и тѣ твердили, что совершится скоро грѣхъ. Императоръ съ своей стороны принялъ тоже мѣры: онъ вызвалъ въ Петербургъ графа Аракчеева и Линденера, людей ему приверженныхъ, которые могли бы замѣнить ему Палена. Послѣдній, пользуясь своими чрезвычайными полномочіями, приказалъ задержать Аракчеева на заставѣ. Это приказаніе было отдано вечеромъ 11 Марта. Паленъ понималъ, что не надо дремать („il ne faut pas s'endormir“), какъ сказалъ ему самъ Павелъ Петровичъ въ заключеніе своего знаменательнаго разговора по поводу заговора, что нельзя болѣе медлить исполненіемъ заговора, чтобы не нажить себѣ бѣды, и катастрофа приблизилась.

III.

Императоръ Павелъ Петровичъ употребилъ во зло терпѣніе своихъ подданныхъ, и за то онъ сдѣлался жертвою трагическаго событія, совершившагося въ самомъ дворцѣ.

По характеру своему онъ былъ остроумный государь и вовсе не злой. Онъ любилъ только крайности и, какъ всѣ люди такого рода, совершалъ и хорошіе и дурные поступки, руководясь единственно безпорядочными проявленіями своей склонной къ насилію воли. Если дурно имѣть такой характеръ и частному человѣку, то во сколько разъ хуже встрѣтить съ такими свойствами владѣтельную особу и, Боже избави, неограниченнаго монарха. Немудрено, что всѣ боялись Павла Петровича, даже его Петербургскія любимцы не могли вѣрить въ прочность своихъ отношеній къ государю и должны были не забывать, что есть Сибирь.

Чувствительный и рыцарскій характеръ Павла склонялъ его не разъ относиться съ участіемъ къ жертвамъ Французской революціи и вызывалъ горячую ненависть къ главнымъ дѣйствующимъ ея лицамъ. Въмѣсто прежней политики Екатерины II—подстрекать Европейскихъ государей противъ Франціи, а самимъ быть посторонними зрителями, Павелъ I, сдѣлавшись государемъ, принялъ другую и послалъ Суворова въ Италію со стотысячнымъ войскомъ. Но этимъ онъ не ограничился: запрещенъ привозъ въ Россію изъ Франціи книгъ, модъ и предметовъ роскоши. Такая мѣра была непріятна для Русской аристократіи, которая при случаѣ и побранить Францію, но щеголять будетъ снова, и Французскимъ умомъ, и Французскими обычаями и образованіемъ.

Но вскорѣ императоръ Павелъ I измѣнилъ свою политику по отношенію къ Франціи: прежніе союзники его Англичане впали въ немилость, а враги—Французы полюбились ему. Во дворцѣ его появились портреты Бонапарта, за официальными обѣдами провозглашались въ честь послѣдняго торжественныя тосты, а Англичанамъ грозили уже войною. Разумѣется, такая внезапная перемѣна была принята съ неудовольствіемъ высшимъ Русскимъ обществомъ, какъ противорѣчащая не только его желаніямъ, но и его интересамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на своемъ обширномъ пространствѣ, сѣверная Европа, богатая лѣсомъ, пенькою и минералами, нуждалась всего болѣе въ услугахъ богатыхъ иностранныхъ негодіантовъ, которые покупали бы сырые ея продукты и взамѣнъ ихъ отдавали бы деньги или мануфактурные свои товары. Англичане и доставляли Русскимъ за грубые товары свои предметы роскоши и помогали многимъ уплачивать аренды. Англичане, слѣдовательно, были нужны Русскимъ. Именно, Англійская торговля, сосредоточивающаяся въ Петербургѣ, всего болѣе служить связью, скрѣпляющею Русскую политику съ Англійскою; только одна она удерживаетъ на время, рано или поздно, неминуемую борьбу этихъ двухъ державъ за Азію.

Русскіе аристократы были, потому, недовольны новою политикою императора Павла. Они осуждали его и за прежнюю ненависть къ Франціи, осуждали его и за новую дружбу съ нею, потому что такая дружба нарушала интересы ихъ, какъ владѣльцевъ недвижимой собственности. Къ такимъ нарушеніямъ желаній и интересовъ аристократіи императоръ прибавилъ жестокости, казалось, несвойственныя болѣе доброй, чѣмъ злой, его душѣ. По его повелѣнію, было сослано тогда много людей въ Сибирь. Тронутый перенесенными страданіями ихъ, Павелъ Петровичъ многихъ изъ нихъ простилъ и вернулъ въ Петербургъ, но не возвратилъ имъ имѣній ихъ. Эти несчастные жили теперь здѣсь на глазахъ у всѣхъ, и всѣ видѣли сами ихъ настоящее горе. Когда же своими просьбами они порядкомъ надоѣли Павлу Петровичу, онъ ихъ гналъ опять въ Сибирь. Становясь съ каждымъ днемъ болѣе недовѣрчивымъ, по мѣрѣ того, какъ росла нелюбовь къ нему подданныхъ, Павелъ Петровичъ угрожалъ всѣмъ казнями. Никто не могъ быть увѣреннымъ, начиная день, что вечеромъ не окончитъ его въ Петропавловской крѣпости. Онъ составлялъ не только противъ министровъ своихъ, но и противъ своей супруги и собственныхъ дѣтей, самыя коварныя планы и, неглупый отъ природы, онъ сдѣлался тираномъ. Мѣстомъ жительства его съ недавняго времени выбранъ былъ вновь построенный дворецъ—Михайловскій замокъ, укрѣпленный, и бастионами, и рвомъ. А на ночь загораживались еще двери, отдѣлявшія его комнаты отъ сосѣднихъ комнатъ императрицы и тѣмъ, нисколько не подозрѣвая, какъ увидимъ, онъ приготовилъ себѣ лишь новыя затрудненія въ моментъ трагической своей кончины.

Настоящій порядокъ вещей не могъ долго продолжаться, и скоро наступилъ ему конецъ. Мысль отдѣлаться отъ несчастнаго государя убійствомъ занимала многихъ. Нельзя притомъ не подивиться страннымъ Русскимъ государственнымъ порядкамъ, когда мы видимъ, что въ тоже время на другомъ концѣ Европы—въ Англій—царствовалъ прямо сумасшедшій государь Георгъ III, а дѣла государственныя тамъ шли самымъ правильнымъ ходомъ. Питтъ семнадцать лѣтъ сряду управлялъ государствомъ, и никому не приходило въ голову сбыть съ рукъ Георга III. А въ Петербургѣ, напротивъ, при неограниченной монархіи, нельзя было далѣе жить съ безумцемъ-государемъ, и нужно было придумывать кровавыя сцены.

Въ это время при Русскомъ дворѣ первую роль игралъ графъ Паленъ, одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ людей, которые не задумываются ни передъ какимъ угодно поступкомъ; въ государствахъ, правильно устроенныхъ, они могутъ сдѣлаться великими людьми, а въ государствахъ деспотическихъ—преступниками, какъ часто случается. Какъ же строго ихъ винить въ томъ, когда они являются болѣе результатами самаго устройства государства?

Графъ Паленъ съ особеннымъ отличіемъ служилъ на военномъ поприщѣ. Человѣкъ на видъ представительный, онъ скрывалъ подъ простыми солдатскими манерами умъ тонкій и проницательный, необыкновенную храбрость и невозмутимое спокойствіе духа. Занимая въ то время должность генераль-губернатора и завѣдуя полиціей, онъ зналъ, пользуясь довѣренностью къ нему Государя, всѣ важнѣйшія тайны государственной жизни и былъ, не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, первою особою при дворѣ. Но его мнѣнія относительно политики Русской были въ совершенномъ противорѣчій съ мнѣніями Государя. Враждебныя отношенія къ Франціи и къ революціи казались ему ненужными, новая вражда съ Англіей—совершенно неумѣстной. Осторожная и благоразумная внѣшняя политика, нейтралитетъ въ войнахъ Франціи съ Англіей: такова должна была быть, по его мнѣнію, наша внѣшняя политика. Его воззрѣнія въ политикѣ были ни Англійскія, ни Французскія, но Русскія; таковъ же и самъ онъ былъ Русскій и въ частной жизни, сохраняя обычан ея настолько, насколько возможно было послѣ реформъ Петра В. Онъ убѣдился въ томъ, что Россіи грозитъ гибель, если не прекратитъ царствованіе Павла Петровича, еще болѣе—въ томъ, что привязанность къ нему Государя очень слаба, особенно послѣ одной маленькой размовки съ нимъ. Онъ рѣшилъ составить заговоръ и вошелъ въ переговоры съ вице-канцлеромъ графомъ Панинымъ, завѣдывавшимъ иностранной политикою. Оба они были согласны, что слѣдуетъ положить конецъ страшному состоянію, и цѣлаго государства, и отдѣльныхъ лицъ. Графъ Паленъ взялся исполнить убійство Государя, задуманное ими вдвоемъ.

Наслѣдникомъ престола былъ великій князь Александръ Павловичъ, очень сонный, но обладавшій многими прекрасными качествами. Его думали сначала посвятить въ тайны заговора, но потомъ раздумали. Графъ Паленъ рѣшилъ провозгласить его государемъ лишь послѣ исполненія заговора. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдовало расположить его въ свою пользу, чтобы воспользоваться и его помощью, и въ день восшествія его на престолъ не быть зачисленнымъ въ разрядъ убійцъ, которымъ грозила вѣрная смерть. Трудно было открыться во всемъ великому князю, человѣку съ прекрасными чувствами и нисколько не склонному принять участіе въ убійствѣ своего отца. Потому, графъ Паленъ ни слова не говорилъ ему о своихъ тайныхъ замыслахъ, но старался сначала объяснить ему настоящее положеніе государства. При всякомъ новомъ промахѣ со стороны Павла Петровича, вредномъ интересамъ государства, Паленъ не молчалъ, но говорилъ съ великимъ княземъ, не дѣлая самъ никакихъ заключеній. Александръ Павловичъ выслушивалъ такія грустныя извѣстія и плакалъ: выходили сцены нѣмыя и краснорѣчивыя. Наконецъ, слѣдовало объясниться,

и графъ Паленъ сказалъ великому князю, что настоящій порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться безъ явнаго вреда государственнымъ интересамъ, потому надо принудить государя сложить съ себя корону, доставить ему безопасное убѣжище; слѣдовательно скрытъ, онъ отъ великаго князя настоящія свои намѣренія, которыя такъ и не привелось своевременно узнать великому князю.

Великій князь, выслушавъ Палена, заплакалъ. Онъ никакъ не хотѣлъ согласиться оспаривать престолъ у своего отца и не скоро убѣдился въ томъ, что дѣйствительно, и государство, и сама императорская фамилія находятся въ опасности.

Паленъ представилъ ему новыя доказательства. Недовольный медлительностью Прусаковъ и ихъ нейтральною политикою, императоръ Павелъ Петровичъ поговаривалъ уже о высылкѣ въ Берлинъ восьмидесятитысячнаго войска. Въ припадкѣ сумасбродства, онъ непремѣнно желалъ, чтобы первый консулъ избралъ его своимъ посредникомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ съ иностранными державами, и чтобы такой могущественный человѣкъ не осмѣливался бы заключать миръ ни съ Германіей, ни съ Сардинскимъ дворомъ, ни съ Неаполемъ, или Портой на другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, какія предложены будутъ Россіей. Можно было опасаться и за разрывъ съ Франціей, съ которой еще такъ недавно сблизилась Россія. Затѣмъ Паленъ прибавилъ нѣсколько словъ и о несприятностяхъ, сдѣланныхъ Павломъ Петровичемъ нѣкоторымъ членамъ императорской фамиліи, обиженнымъ крайней его недовѣрчивостію.

Великій князь внимательно выслушалъ графа Палена и, прерывая бесѣду, взялъ съ него честное слово, что онъ не будетъ участвовать въ покушеніяхъ на жизнь Павла Петровича. Графъ Паленъ далъ ему благородное слово исполнить его желаніе, но желаніе это, онъ видѣлъ, была мечта неопытнаго юноши, воображавшаго, что и безъ пролитія крови можно будетъ все устроить наилучшимъ образомъ.

Теперь оставалось прискать исполнителей. Составляя заговоръ, графъ Паленъ не имѣлъ еще ихъ. Не разъ онъ думалъ о томъ, кому изъ своихъ друзей назначить ту или другую роль при исполненіи заговора, но, страшась измѣны, не объявлялъ имъ о томъ до рѣшительной минуты. Главными исполнителями заговора были теперь выбраны имъ братья Зубовы, знатныя особы, благодаря благосклонности къ нимъ покойной императрицы *). Впрочемъ графъ Паленъ открылъ свой замыселъ довольно поздно. Выборъ сдѣланъ былъ удачно:

---

*) Зубовы только что вернулись въ Петербургъ вслѣдствіе указа императора Павла I (отъ 1 Ноября 1800 г.). Въ пользу ихъ дѣйствовали теперь при дворѣ любимецъ государя гр. Кутайсовъ, когда его увѣрили, что Платонъ Зубовъ собирается жениться на его дочери. Платонъ Зубовъ назначенъ былъ вскорѣ, 23-го Ноября 1800 г., директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, Валеріанъ Зубовъ—директоромъ второго корпуса, а Николай Зубовъ—шефомъ Сумскаго гусарскаго полка. Они всѣ стали теперь появляться при дворѣ.

Платонъ Зубовъ, фаворитъ Екатерины II, былъ ловкій и умный человекъ; его братъ Николай, обладавшій преимущественно одною огромною физическою силой, могъ хорошо сыграть роль исполнителя задуманнаго убійства. Только храбрый и честный воинъ Валеріанъ Зубовъ, другъ наслѣдника престола, не былъ заговорщикомъ. Но сестра Зубовыхъ, бывшая въ интимныхъ отношеніяхъ съ Англійскимъ посланникомъ лордомъ Витвортомъ, передававшая братьямъ всѣ тайны Англійской политики, знала о заговорѣ¹⁾. Графъ Паленъ набралъ еще нѣсколько заговорщиковъ, и многіе изъ нихъ, не жившіе постоянно въ столицѣ, пріѣхали въ Петербургъ и до времени пребывали здѣсь инкогнито. Между ними было одно замѣчательное лицо, въ содѣйствіи котораго, какъ и въ несомнѣнной энергіи, всего болѣе увѣренъ былъ Паленъ. Это—генераль Бенигсенъ. Онъ былъ родомъ изъ Ганновера, служилъ въ Русской арміи и считался отличнѣйшимъ изъ Русскихъ офицеровъ. Позже, въ 1807 году, при императорѣ Александрѣ I, онъ командировалъ Русской арміей въ войнѣ противъ Наполеона. Бенигсенъ, боясь послѣдствій обращеннаго на него гнѣва Павла Петровича, которому почему-то очень не понравился, удалился въ деревню; теперь его вызвалъ графъ Паленъ въ Петербургъ и посвятилъ въ заговоръ, сообщая, впрочемъ, только о намѣреніи заставить государя отказаться отъ престола и ни о чемъ другомъ. Такъ говорилъ послѣ самъ генераль Бенигсенъ. Онъ далъ слово помогать Палену въ заговорѣ и сдержалъ его съ замѣчательною стойкостью.

Рѣшено было выбрать днемъ исполненія заговора день, когда на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ будутъ стоять солдаты Семеновскаго полка, преданные наслѣднику цесаревичу. Слѣдовало на время подождать. А между тѣмъ, душевная болѣзнь Павла Петровича развивалась все болѣе и болѣе, и съ каждымъ днемъ онъ дѣлался все страшнѣе для своихъ подданныхъ. Однажды²⁾, онъ взялъ за руку гр. Палена и спросилъ его: былъ ли онъ въ Петербургѣ въ 1762 году? Въ этомъ году, какъ извѣстно, отецъ императора Петръ III былъ убитъ, и на Русскій престолъ взошла Екатерина II.—Да, отвѣчалъ Паленъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, я былъ тогда въ Петербургѣ.—Чью сторону вы держали въ то время?—Я былъ въ рядахъ войска императора, какъ подчиненный ему офицеръ; я былъ свидѣтелемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ.—Такъ, продолжалъ Павель Петровичъ, обращая на графа пронизывающій и полный недовѣрія взоръ,—а знаете ли вы, что нашлись и теперь желающіе повторить тогдашнія сцены?—Я это знаю, отвѣчалъ, нисколько не смущаясь, Паленъ; я знаю, что дѣйствительно составляется заговоръ и буду въ немъ участникомъ.—Какъ, вскричалъ Павель Петровичъ, вы заговорщикъ?—Да, я заговорщикъ, но на то, чтобы хранить васъ отъ всякаго зла.—Спокойствіе, съ какимъ говорилъ Паленъ, казалось, должно было бы разрушить предположеніе Государя о заговорѣ и о роли въ немъ графа; но Павель Петровичъ остался нерасположеннымъ къ нему.

¹⁾ Ольга Александровна Жеребцова. Въ ея домѣ были многолюдныя собранія.

²⁾ Это было 9 марта 1801 года.

Еще одно обстоятельство прибавляется къ числу намъ извѣстныхъ. Императоръ приказалъ отправить въ Берлинъ къ своему посланнику барону Криднеру депешу, въ которой дано ему уполномочіе объявить Прусскому двору, что если Пруссаки въ наискорѣйшемъ времени не будутъ готовы дѣйствовать противъ Англичанъ, то къ ихъ границамъ съ нашей стороны отправить восемьдесятъ тысячъ войска. Графъ Паленъ, не желая, чтобы эта депеша была принята за серьезную, прибавилъ къ ней собственноручно: „Его Императорское Величество былъ сегодня въ дурномъ расположеніи духа. Примите это къ свѣдѣнію“¹⁾.

23-го Марта²⁾, въ день назначенный для исполненія заговора, графъ Паленъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ братьевъ Зубовыхъ, Бенигсена и многихъ генераловъ и офицеровъ, на содѣйствіе которыхъ онъ могъ рассчитывать. Подали внушительное количество бутылокъ вина. Паленъ и Бенигсенъ одни не пили. Послѣ стола присутствующимъ была объявлена цѣль собранія. Большая часть гостей въ первый разъ узнала о ней. Но объ убійствѣ государя и теперь не было ни слова; иначе возможно было бы, что всѣ присутствующіе откажутся участвовать при такомъ заключеніи заговора. Говорили только объ одномъ, что слѣдуетъ принудить государя отречься отъ престола, чтобы этимъ способомъ спасти государство отъ грозящей ему опасности и многихъ отъ неминуемой для нихъ смертной казни. Въ заключеніе, для болѣе сильнаго убѣжденія слушателей, было сказано, что самъ наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ не только знаетъ о заговорѣ, но и вполне одобряетъ намѣреніе его. Тогда заговорщики, уже порядкомъ выпившіе, не колебались болѣе, дали свое согласіе, и, кромѣ трехъ или четырехъ, всѣ явились во дворецъ, но въ томъ убѣжденіи, что не будетъ пролито здѣсь ни капли крови.

Наступила ночь, и, раздѣлившись на два отряда, заговорщики въ числѣ шестидесяти человекъ, отправились въ путь. Однимъ отрядомъ управлялъ графъ Паленъ, другимъ генералъ Бенигсенъ. Предводители были въ полныхъ генеральскихъ мундирахъ, съ лентами на плечахъ и обнаженными шпагами въ рукахъ. Михайловскій замокъ и выстроенъ, и охраняемъ былъ, какъ настоящій замокъ, и только передъ довѣренными лицами государя, какими были начальники заговорщиковъ, поднялись шлагбаумы и открылись его ворота. Отрядъ Бенигсена шелъ впереди и направился прямо къ покоямъ занимаемымъ императоромъ; графъ Паленъ со вторымъ отрядомъ остался позади, какъ бы въ резервѣ. Видимо, главный зачинщикъ заговора, графъ Паленъ, не осмѣли-

¹⁾ Это рескриптъ Государя отъ 11-го Марта 1801 г. Вотъ подлинныя его слова: *Déclaré Monsieur au Roi que si il ne veut pas se désidé à occuper Nanovte vous avé à quitter la Cour dans 24 heures. Paul.* (Ороографія подлинника). Рескриптъ находится нынѣ въ архивѣ нашего посольства въ Берлинѣ. Кн. Лобановъ-Ростовскій переписалъ его для Шильдера, но въ немъ нѣтъ той приписки Палена, о которой говоритъ Тьеръ. Поэтому слѣдуетъ предположить, что гр. Паленъ написалъ барону Криднеру отдѣльную записку, которая не сохранилась въ архивѣ. (Императоръ Павелъ Первый. Н. К. Шильдера, 1901, стр. 487).

²⁾ По новому стилю; по нашему стилю 11 Марта.

вался быть и первымъ при исполненіи его: по условію, онъ долженъ былъ явиться къ своимъ на выручку только въ какомъ-нибудь непредвидѣнномъ случаѣ. Бенигсенъ дошелъ, наконецъ, до дверей опочивальни Государя, при которыхъ два гайдука стояли на часахъ. Вѣрные своему Государю, эти храбрые слуги хотѣли его защищать: одинъ изъ нихъ упалъ отъ удара сабли, другой кинулся бѣжать и звать на помощь, но крики были бесполезны, такъ какъ часовые держали сторону заговорщиковъ. На крики прибѣжалъ только одинъ лакей, спавшій въ комнатѣ близъ спальни Государя, и кстати его заставили отпереть дверь въ спальню. И теперь несчастный Павелъ Петровичъ могъ бы убѣжать и спастись въ сосѣднихъ покояхъ Императрицы, если бы, ради постоянной недовѣрчивости, не приказывалъ обыкновенно заставлять чѣмъ-нибудь двери въ ту половину дворца. Убѣжать было некуда, и, векочивши съ постели, онъ спрятался въ складкахъ ея полога. Платонъ Зубовъ первый подбѣжалъ къ кровати и, увидѣвъ постель пустою, закричалъ отъ отчаянія: „Императоръ спасся—мы погибли!“ Но въ ту минуту Бенигсенъ примѣтилъ Государя и направился къ нему со шпагою въ рукѣ и съ предложеніемъ отречься отъ престола. „Вы болѣе не Государь, сказалъ онъ ему, Государемъ нашимъ будетъ Александръ Павловичъ. Отъ его имени я предлагаю вамъ отказаться отъ престола и подписать о томъ бумагу; только при такомъ условіи вы останетесь въ живыхъ“. Платонъ Зубовъ повторилъ тоже самое. Растерявшись совершенно, Императоръ спросилъ: за что же именно приходится ему выслушать такой приговоръ. „Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ вы не переставали насъ преслѣдовать“ кричали полуньяные убійцы. Они приближались къ несчастному Государю, а тотъ старался по возможности вырваться изъ ихъ рукъ и тщетно умолялъ ихъ о пощадѣ. Въ эту самую минуту послышался назади шумъ,—это были шаги оставшихся тамъ заговорщиковъ,—и убійцы въ безпорядкѣ разбѣжались, думая, что пришла помощь къ Императору. Одинъ только непоколебимый Бенигсенъ остался на мѣстѣ и прижалъ Государя концомъ своей шпаги. Узнавши своихъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь, заговорщики опять вошли въ ту комнату, гдѣ былъ Императоръ, снова окружили его и снова хотѣли заставить его отречься отъ престола. Павелъ Петровичъ снова пытался защищаться. Среди продолжавшейся борьбы урвали лампу, которая освѣщала эту ужасную сцену, Бенигсенъ пошелъ за другою, но когда возвратился, то увидалъ, что Императоръ уже умираетъ подъ ударомъ двухъ убійцъ: одинъ изъ нихъ разбилъ ему черепъ эфесомъ своей шпаги, а другой душилъ его своимъ шарфомъ.

Во все это время графъ Паленъ оставался внѣ сцены дѣйствія съ своимъ отрядомъ. Когда пришли сказать ему, что все окончено, онъ приказалъ положить тѣло умершаго Императора на его постель и поставить стражу изъ тридцати человекъ при входѣ въ спальню, строго запретивъ пускать кого бы то ни было сюда, даже членовъ императорской фамилии, а самъ отправился къ великому князю Александру Павловичу объявить ему о печальномъ исходѣ дѣла.

Встревоженный приходомъ графа, великій князь спросилъ его, не случилось ли какого несчастія съ его отцомъ? Графъ Паленъ молчалъ, но молчаніе

было нѣмымъ отвѣтомъ. Теперь только великій князь понялъ, какъ онъ обманывалъ себя, думая, что все можетъ окончиться однимъ отреченіемъ Императора отъ престола, и горестъ его была такъ велика, что можно было опасаться за самую жизнь этого благороднаго съ чувствительнымъ сердцемъ юноши. Онъ сѣлъ въ кресло, горько плакалъ, ничего не хотѣлъ и слушать, только осыпалъ Палена горькими упреками, которые тотъ выслушивалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

А Платонъ Зубовъ отправился къ великому князю Константину Павловичу, который совершенно ничего не зналъ о заговорѣ, а между тѣмъ его долго считали участникомъ въ случившейся катастрофѣ. Въ лихорадочномъ трепетѣ великій князь выбѣжалъ изъ своей комнаты, представляя себѣ, что заговорщики хотятъ истребить и всю царскую фамилію, и встрѣтилъ своего брата, который былъ также въ отчаяніи, но передалъ ему подробности ужаснаго событія. Графъ Паленъ также поручилъ одной изъ ближайшихъ къ императрицѣ придворныхъ дамъ объявить ей о наступившемъ для нея вдовствѣ. Императрица тотчасъ побѣжала въ комнаты императора и пыталась пробраться прямо къ его постели, но солдаты, стоявшіе при дверяхъ, не допустили ея туда. Когда же прошли первыя минуты отчаянія, Императрица поняла, что вмѣстѣ съ горемъ въ глубинѣ ея души кроется еще другое чувство: честолюбіе склоняло ее самой царствовать. Она послала сказать великому князю Александру Павловичу, что не ему, а ей слѣдуетъ теперь управлять государствомъ. Новое испытаніе пришлось еще пережить благородной душѣ великаго князя, которому выпадало на долю вступить на престолъ, перешагнувши черезъ трупъ отца и разрушивши честолюбивыя замыслы своей матери.

Ночь проходила, и близился день, когда слѣдовало уже рѣшить, кто же долженъ наслѣдовать престолъ, потому что нужно было одновременно съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Павла объявить о восшествіи новаго Государя. Тогда графъ Паленъ вновь пришелъ къ великому князю Александру Павловичу и сказалъ ему: „довольно вамъ плакать, какъ дитяти; идите царствовать“. И съ этими словами онъ вывелъ его изъ комнаты и, сопровождаемый Бенигсеномъ, отправился показать войску новаго Императора.

Первый полкъ, который имъ встрѣтился, былъ Преображенскій. Преданный покойному императору, онъ привѣтствовалъ новаго Государя довольно холодно. За то другіе полки, любившіе великаго князя и находившіеся подъ вліяніемъ графа Палена, не переставали кричать: „да здравствуетъ императоръ Александръ!“ Примѣръ былъ данъ, и теперь всѣ провозглашали Александра Павловича императоромъ. Послѣ этого новый Государь съ своею супругою Елисаветою Алексѣевною отправился въ Зимній дворецъ *).

---

*) Положительно извѣстно, что графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику цесаревичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла

Съ ужасомъ узнали Русскіе о случившемся въ Михайловскомъ замкѣ. Страшныя подробности о кончинѣ императора Павла Петровича тотчасъ распространились по Петербургу. Многіе жалѣли покойнаго. По обычаю, тѣло его было выставлено, но съ различными предосторожностями, чтобы скрыть, по возможности, полученныя имъ раны. На израненныхъ рукахъ были надѣты перчатки, а на головѣ была шляпа*). А лицо покойника говорило, что онъ умеръ отъ убійцы, хотя и объявлено было, что смерть произошла отъ апоплексическаго удара.

Ужасная кончина Павла Петровича скоро сдѣлалась извѣстна и въ Европѣ. О ней вскорѣ узнали и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ.

Николай Овсянниковъ.

Петровича въ первомъ часу пополудни съ 11 на 12 Марта 1801 года. Въ два часа ночи императоръ Александръ Павловичъ сѣлъ въ карету съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и отправился въ Зимній дворецъ. На запяткахъ кареты стояли графъ Н. А. Зубовъ и генералъ адъютантъ Уваровъ. Императрица же Елисавета Алексѣевна осталась въ Михайловскомъ замкѣ утѣшать императрицу Марію Ѳеодоровну. (Шильдеръ, 492 и 493 стр.).

*) Гречъ въ своихъ Запискахъ (С.-Пб. 1886 г., стр. 154). говоритъ тоже, что поля широкой шляпы надвинуты были на лобъ почившаго императора. Такъ было въ опочивальнѣ, а послѣ шляпы на головѣ не было. На подушкѣ лежала императорская зодотая корона (Шильдеръ, 501 и 502 стр.).